

Высшее образование накануне потрясений: заочный диалог с министром¹

Выступая на Международном экономическом форуме 21 июня 2013 г., министр образования и науки РФ Д.В. Ливанов предсказал отечественному образованию глубокие потрясения. Цитирую:

"В ближайшие пять лет наша система высшего образования столкнется с рядом серьезных потрясений. Это демографическая ситуация: на пятилетнем горизонте у нас будет на 30% меньше граждан в возрасте от 18 до 30 лет. Это серьезное изменение требований к работе университетов со стороны экономики и государства, которые многие университеты не выдержат. Наконец, это цифровая революция, которая фактически сделает конкуренцию глобальной. Когда у студентов есть доступ к образовательным ресурсам лучших мировых университетов, то конкуренция становится ключевым фактором выживания.

[...]

Мы будем свидетелями активного слияния и поглощения вузов, гораздо более активного, чем это происходит сегодня.

[...]

Мы будем свидетелями массового закрытия, санации псевдовузов, в основном филиалов университетов, которые не в состоянии предложить нам серьезные, качественные образовательные программы и не имеют ресурсов для их реализации»².

Министр, следовательно, акцентировал два фактора будущих потрясений в сфере высшего образования:

а) демографическую «яму» - резкое сокращение численности граждан в возрасте 17-30 лет;

б) резко возросшую международную конкуренцию в сфере электронного обучения.

То и другое – чистая правда, однако далеко не вся и, пожалуй, не самая главная. Впрочем, начнем по порядку.

Демография: беда, но не катастрофа

Демографический провал численности возрастной когорты 17-30 лет, начавшийся в 2010 г., действительно продолжится, по крайней мере, до 2020. Если в настоящее время численность российского населения этого возраста составляет 29,2 млн., то к 2020 она сократится на 7,88 млн. и окажется на уровне 21,3 млн. С этой демографической тенденцией отчасти связано планируемое правительством сокращение количества вузовских студентов в 2013-2018 гг. почти на четверть, а в 2013-2020 – примерно на треть.

На мой взгляд, такая перспектива для российских вузов представляется критичной, но не катастрофичной, по крайней мере, по двум основным причинам.

Во-первых, в связи с общецивилизационной тенденцией замены образования на всю жизнь образованием через всю жизнь и необходимостью на протяжении жизни неоднократно менять специальность, а то и профессию, растет число людей, получающих второе высшее образование, как правило, в заочной форме.

Согласно заявлению Д.А. Медведева (в то время Президента РФ), в нашей стране ежегодно повышают квалификацию 5-10% работников, тогда как в наиболее развитых государствах – 60-70%. Понятно, что увеличить этот показатель в России в 10-12 раз силами только традиционных институтов повышения квалификации невозможно, и здесь открываются новые перспективы для высшего образования. Более того, скорее всего, недостаточно окажется и традиционных вузовских «мощностей», но об этом речь впереди.

¹ Статья подготовлена на основе доклада на Международной конференции. Санкт-Петербург, 29 июня 2013 г.

² <http://www.rosbalt.ru/piter/2013/06/21/1143857.html>

Следовательно, отдельно взятый демографический фактор, при всей его важности, вряд ли может вызвать предсказанные министром потрясения в системе высшего образования страны.

Цифровая революция: вызов образовательному суверенитету

Не менее важной, но пока большинством не осознанной потенциальной угрозой российскому высшему образованию действительно становится международная конкуренция, связанная с развитием электронного обучения и так называемых массовых открытых онлайн курсов (Massive Open Online Courses - MOOCs), в частности.

Вообще, все возрастающий разрыв между научно-техническим и социальным прогрессом многократно описывался и анализировался в научной и художественной литературе. Один их наиболее известных примеров – изобретатель отец Кабани в знаменитом романе братьев Стругацких «трудно быть Богом». Напомню: он изобрел колючую проволоку, чтобы защищать скот от диких зверей, но ее решили использовать для заключенных на рудниках; изобрел мясорубку для приготовления нежнейшего фарша, но она понадобилась для пыток в «Веселой башне»; изобрел горючую воду для разжигания костров, но ее стали подливать в пиво для спаивания и без того не слишком просвещенного народа и т.д.

Разумеется, Интернет – не ядерная энергетика, применение которой началось с атомной бомбы. Но и это великое достижение человечества имеет обратные стороны: неведомое прежде массовое распространение порнографии, развитие интернет-зависимости, которая в США уже признана психическим заболеванием, аналогичным наркомании и т.п.

В этой связи приведу фрагменты письма, направленного мною заместителю Председателя Правительства РФ О.Ю. Голодец.

«... хотелось бы обратить Ваше внимание на качественно новый феномен ... – стремительное, взрывное развитие в странах – конкурентах России массовых открытых онлайн курсов (Massive Open Online Courses – MOOCs).

Развитие данного направления обусловлено следующими обстоятельствами:

- массовым спросом на образование в течение всей жизни;
- невозможностью в достаточной мере обеспечить данный спрос финансированием из государственных бюджетов;
- стремлением людей обучаться по индивидуальным учебным планам, не укладывающимся в рамки формализованных образовательных программ (по причине необходимости работать во время учебы большинство обучающихся в университетах не укладываются в заданные формализованными программами сроки обучения);
- постоянным ростом цен на формализованное образование;
- стремлением государств и участников рынка образования найти эффективный инструмент конкурентной борьбы на международном уровне.

Привлекательность MOOCs в их бесплатности: не нужно создавать свои учебники, финансировать исследования в вузах, не нужны свои вузы и профессора, обучаться можно бесплатно без государственной поддержки.

История развития открытых образовательных ресурсов насчитывает около 20 лет. До 2011 г. основным направлением этого развития были университетские открытые электронные библиотеки открытых образовательных ресурсов, активно создававшиеся в США и других странах, в том числе посредством государственного финансирования. Россия за редкими исключениями практически не участвовала в этом процессе.

Бурный рост провайдеров MOOCs пришелся на 2011-2012 гг. в связи со значительным ростом инвестиций. Так, по некоторым данным, только за 8 месяцев 2012 г. в Coursera, edEX и некоторые более мелкие компании было вложено около 500 млн. долларов США.

Наиболее крупными провайдерами MOOCs в настоящее время являются Coursera, edX, Udacity, Udemy. Получать доходы от создания MOOCs планируется за счет взимания платы за выдачу сертификата после успешного прохождения курса. Для Coursera эта плата составляет от 30 до 80 долларов за сертификат в зависимости от курса, а при сдаче экзамена под наблюдением преподавателя – от 150 до 250 долларов. ... Предполагается, что эта система бесплатного онлайн-обучения объединит до одного миллиарда человек. Граждане России занимают шестое место среди общего числа обучающихся. Аналогичный проект на один миллиард обучающихся объявил Google. За 2012 г. прошли обучение и получили сертификаты в США более 50 000 обучающихся из России.

Подавляющее большинство курсов MOOCs в настоящее время производится и предлагается в США. Однако это движение началось и в Европе. 13 августа 2012 г. Генеральный директорат Европейской комиссии по образованию и культуре открыл публичные консультации «Открытое образование: Предложение для Европейской инициативы по улучшению образования и развитию профессиональных навыков с помощью новых технологий». При поддержке европейской комиссии партнеры из 11 стран объединили усилия в целях запуска общеевропейских массовых открытых онлайн курсов по широкому кругу вопросов. Курсы будут доступны бесплатно и на разных языках, включая русский.

[...]

Курсы могут быть пройдены либо в запланированные сроки или же в любое время с индивидуальной скоростью изучения. Их объем – от 20 до 200 учебных часов. По итогам прохождения курсов может выдаваться документ об образовании: сертификат о прохождении курса, так называемый знак (отражающий персональный портфолио) или сертификат о получении кредитов, который может засчитываться при присуждении степени. В последнем случае студенты должны платить за сертификат до 400 евро в зависимости от длительности курса и учебного заведения.

Развитие данного направления в странах - конкурентах России оценивалось и оценивается как стратегия в борьбе за человеческий капитал. Основные цели и ожидаемые последствия этой борьбы:

1) ослабление интеллектуального потенциала или торможение его развития в стране- конкуренте.

Последствием станет разрушение национальной системы образования – основного генератора интеллектуальных ресурсов страны;

2) ориентация населения страны-конкурента на обучение в вузах страны, предоставляющей онлайн обучение бесплатно или по очень низким ценам.

Возможные последствия: обучающиеся перестанут учиться в вузах своей страны и будут оплачивать обучение в другой стране, усиливая ее интеллектуальный потенциал, разрушая национальную систему образования и интеллектуальный потенциал собственной страны;

3) погружение обучающегося в культуру другой страны, ориентация на ее ценности, что делает его потенциальным агентом влияния страны-конкурента.

Последствие - продвижение интересов страны-конкурента в ущерб интересам своей страны, размывание национальной идентичности.

В данном контексте возможны следующие сценарии.

1. Использование исключительно иностранных онлайн ресурсов. Это путь к деградации российской национальной образовательной системы и к ускорению стагнации интеллектуального потенциала страны. Этот путь может быть использован развивающимися странами, но не Россией, претендующей на статус одного из мировых лидеров.

2. Игнорирование данного направления развития образования. Этот путь приведет к тем же последствиям, что и предыдущий, и к потере каких-либо конкурентных

преимуществ России, что делает практически невозможной дальнейшую модернизацию страны.

3. Создание российских открытых онлайн-ресурсов. В отношении электронного обучения большинство российских федеральных, исследовательских и других университетов отстают от уровня развития университетов стран-конкурентов на 15-20 лет. Без принятия эффективных и срочных решений этот разрыв будет только увеличиваться. Абсолютное большинство российских вузов не участвуют в международных проектах по данному направлению.

В связи с изложенной первоочередной задачей России является обеспечение разработки национальной стратегии развития электронного обучения и национальной системы создания массовых открытых онлайн курсов.

В целях разработки методологии массового создания и использования MOOCs, развития технологий и координации деятельности в России по созданию национальных MOOCs, аналитического обеспечения принятия решений по данному направлению органами государственной власти представляется целесообразным создание при Правительстве Российской Федерации Национального исследовательского университета электронного обучения

[...]».

Есть все основания полагать, что рост системы MOOCs в мире в ближайшие несколько лет будет происходить экспоненциально либо даже в геометрической прогрессии. При этом во всех «продвинутых» странах проекты развития индустрии электронного обучения оцениваются как более масштабные по сравнению даже с атомным проектом времен Второй мировой войны.

Государственные структуры в проектах участвуют прямо или косвенно: либо создают университетам необходимые нормативно-правовые условия, либо прямо увеличивают их финансирование с учетом вложений самих университетов в систему MOOCs. При этом не только руководство Евросоюза, где доминируют Германия и Франция, претендующие на самостоятельную позицию, но даже Великобритания, постоянно демонстрирующая близость к США, не скрывают своего беспокойства по поводу конкурентной борьбы за интеллектуальные ресурсы с помощью MOOCs и возможного нарастания утечки умов из Европы в Соединенные Штаты.

В России позиция Минобрнауки неоднократно была выражена на заседаниях межведомственной рабочей группы (МРГ) по развитию электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ в образовательных организациях, созданной по поручению Правительства РФ. Эта позиция заключается в следующем: электронное обучение вообще и система MOOCs, в частности, - это дело университетов. В качестве аргументации замминистра образования и науки А.А. Климов неоднократно ссылался на крайнюю неэффективность затрат на компьютеризацию вообще и создание контента электронных учебников в предыдущие годы.

Такая позиция была сформулирована, в частности, на выездном заседании упомянутой МРГ в Омске 4 июля 2013 г. При этом в качестве оптимального варианта выдвигалась идея частно-государственного партнерства, когда государство вкладывало бы в проект электронного обучения около 20% средств, а университеты и другие организации – около 80%.

Между тем, не только уровень финансирования, но и нормативно-правовая база электронного обучения в России делает отечественные вузы в этом отношении практически неконкурентоспособными с университетами Европы и США. Вот лишь один пример.

На упомянутом выездном заседании межведомственной рабочей группы по электронному обучению в Омске 4 июля 2013 г. мнения участников разошлись. Выступавший с позицией министерства начальник департамента госполитики в сфере

образования А.Б. Соболев, представляя проекты нормативных правовых актов в области электронного обучения, стремился доказать, что это «нормативка» не ограничения, но развития. Напротив, автор этих строк в качестве омича и инициатора выездного заседания МРГ, извинившись за недостаток гостеприимства, заявил обратное: предложенные проекты представляют собой «нормативку» торможения.

При этом одной из центральных тем дискуссии стало предложение министерства установить для вузов, реализующих образовательные программы исключительно посредством электронного обучения или дистанционных образовательных технологий, лицензионный норматив - около 8 кв. метров на человека (в отличие от обычного – 11 кв. метров). На это научный руководитель Московского государственного университета экономики, статистики и информатики В.П. Тихомиров задал риторический вопрос: зачем ему в Москве иметь 800 кв. метров площадей для ста студентов, которые обучаются в МЭСИ, проживая, например, в Омске? Мне же пришлось добавить, что, если бы открытый Британский университет (около 300 тысяч студентов) или Анатолийский университет в Турции (1 млн. 300 тысяч студентов) получили аналогичные нормативы, они вынуждены были бы немедленно закрыться!

Как известно, в России один из проектов федерального электронного университета разрабатывает Агентство стратегических инициатив. Остановимся на этом проекте подробнее. Цитирую Д.Н. Пескова, директора направления «Молодые профессионалы» АСИ:

«Для хороших студентов должны быть созданы надвузовские системы получения компетенций. Одним из примеров этой практики должен стать новый федеральный онлайн-университет с мощностью не менее 1 млн человек в год. Он будет одним из ответов страны на угрозу потери образовательного суверенитета. Этот университет должен позволять студентам добирать те компетенции, которые они не могут получить в своих вузах. Такой вуз не должен выдавать соответствующих дипломов, но результаты пройденных в этом университете курсов должны защищаться в рамках болонской системы в дипломах других вузов.

Еще от 5 до 7 млн. человек – это так называемое неформальное дополнительное образование. ... Это люди самой высокой мотивации. Это те, кто способен в современном мире самостоятельно ставить себе задачи, добиваться и контролировать их выполнение, и это не те, кто идет сегодня в вузы».

По мнению Дмитрия Пескова, «сетевой федеральный электронный университет должен давать образование ... по кросс-отраслевым компетенциям, как раз в области системного мышления, знания иностранных языков, информационных технологий, тайм-менеджмента, навыкам работы в команде, навыкам проектного управления. Это то, что больше всего нужно сразу всей стране».

На вопрос о будущем образования Дмитрий Песков ответил: «Образование будущего разделится на два вида: «компьютерное», оно будет дешевым, и «человеческое», оно будет дорогим, потому что знания стремительно обесцениваются, а социальные связи и возможность учиться лицом к лицу будут только дорожать»³.

Как и сотрудники Минобрнауки, Дмитрий Песков убежден в неэффективности государственного участия в создании электронных университетов. Цитирую его речь на совещании об электронном обучении ноября 2012 года: «Российская практика за последние 10 лет показала полный неуспех попыток создания электронного образовательного контента и электронного образования методами государства. Мы прошли два подряд периода инвестирования крупных проектов подобного рода. В начале 2000-х годов – создание национальных порталов, не один из них сегодня не работает. Второй период – это когда университеты создавали электронные обучающие комплексы. Поэтому, с нашей точки зрения, принципиально важно масштабное привлечение частного

³ Выступление Дмитрия Пескова на iCamp 2010 «Чего нет в образовании будущего?»

бизнеса для реализации этой задачи. [...] Государство не должно заказывать контент. Государство, в соответствии с лучшими мировыми практиками, должно оплачивать лучшие результаты. Это принципиальный подход. Не деньги на разработку, а конкуренция за разработку продукта, оценка этого и результата – и победитель получает оплату своих работ»⁴.

Развитие MOOCs Д.Н. Песков охарактеризовал следующим образом:

«Я расцениваю это как критическую угрозу для национальных суверенитетов... Все они (системы массовых онлайн курсов) основаны профессорами из Бостона, Кембриджа, Оксфорда и Кремниевой долины. Когда вы там учитесь, там существует такая штука, которая называется «массовый автоматический анализ патеров учащегося»... Это означает, что существуют системы, подобные Google-analitik, которые полностью анализируют ваше поведение в ходе образовательного процесса. Сколько секунд вы тратите на то или иное задание? С кем и как вы общаетесь? Как вас оценивают другие? Все это анализируется в автоматическом режиме, и система создает твой персональный профиль компетенций. Этот профиль компетенций является товаром на рынке. Эти MOOCs учатся его продавать ведущим компаниям. И сегодня ведущие IT-компании с огромным удовольствием закупают 14-летнего программиста заранее, т.е. он еще не поступил ни в какой вуз, а они его уже выкупили. Он на них уже работает. И он непосредственно из Индии в 15 лет уезжает в Стэнфорд и работает там. Это означает, что Индия даже не успела его прокачать через свой университет, он уже туда уехал. Поэтому это одновременно величайшая возможность, и одновременно величайший риск и угроза».

Добавлю от себя, во-первых, что российские молодые интеллектуалы интересуют зарубежные компании ничуть не меньше индийских, а, во-вторых, практически все важнейшие отечественные документы, отражающие планы правительства до 2018-2020 гг., включая Государственную программу «Развитие образования»⁵ и «Дорожную карту»⁶, практически совершенно не учитывают не только феномен MOOCs как угрозу национальной безопасности страны, но и вообще вопросы электронного обучения.

Повторю: сказанное министром образования и науки – правда, но не вся и, пожалуй, не самая важная. Важнейшим фактором, который министр упомянул лишь вскользь как возросшие требования государства и экономики к вузам, но который на самом деле способен вызвать наибольшие потрясения в системе отечественного высшего образования, становится политика самого министерства, выражающего курс правительства в этой области.

Госдума: недовольство общее, причины разные

В течение прошедшего политического сезона 2012-2013 гг. недовольство политикой Минобрнауки в Государственной Думе высказали все без исключения фракции.

Либеральные СМИ, не вполне справедливо окрестившие VI Государственную Думу «взбесившимся принтером» (на самом деле это лишь «принтер взбесившегося компьютера»), поспешили заявить о том, что депутаты встревожены борьбой с диссертационным плагиатом, в том числе в парламентской среде, и поэтому якобы дружно ополчились на Д.В. Ливанова. В действительности же за общим недовольством стоит в совпадение во времени разных причин.

Если судить по публичным парламентским выступлениям и запросам депутатов от «Единой России» (В. Бурматов, А. Хинштейн) и ЛДПР (В. Жириновский, И. Лебедев), их неприятие вызывают, главным образом, два направления деятельности министерства.

Во-первых, это действительно борьба с плагиатом. В нем были обвинены, в частности, И. Лебедев и В. Бурматов. Цитирую последнего:

⁴ Цит. по стенограмме совещания в МЭСИ 17 ноября 2012 года

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 22.11.2012 N 2148-р

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 30 декабря 2012 года № 2620-р

«Пару недель назад Владимир Вольфович в этом зале ... вскрыл схему, так сказать, закрытого акционерного общества "Антиплагиат", которую создал товарищ министра образования по фамилии Фунтов, бывший мусорщик: человек всю жизнь занимался тем, что собирал и возил мусор, а потом раз — и стал другом министра образования и создал систему "Антиплагиат". С одной стороны, эта система является абсолютно коррупционной кормушкой для тех людей, которые находятся вокруг министра образования, а с другой стороны, это идеальный инструмент давления на тех, кому по каким-то причинам не нравится либо сам Ливанов, либо — чаще — то, что делает господин Ливанов, систему "Антиплагиат" можно уже переименовывать в систему "Антиоппонент" — настолько хорошо эти ребята отработали схему давления на тех, кто не угоден лично Ливанову.

[...]

Когда началась вся эта информационная вакханалия, я принял решение и вышел из Комитета по образованию, сложил полномочия первого зампреда, ушёл с кафедры в университете... Я создал прецедент, и теперь, господа Третьяк, Климов, Кудж, Муравьёв, на выход! Прецедент создан — с вещами на выход»⁷!

Во-вторых, судя по числу упоминаний, в меньшей степени недовольство фракций ЛДПР и «Единая Россия» вызвали методология проведения и результаты мониторинга вузов.

Что касается фракций, относящих себя к левой оппозиции (КПРФ и «Справедливая Россия»), то автор не может вспомнить ни одного выступления в Госдуме их представителей, в котором предъявлялись бы претензии по поводу борьбы министерства с диссертационным плагиатом. Напротив, в публичных выступлениях именно это направление деятельности министерства в значительной степени было поддержано.

Претензии левой парламентской оппозиции к министерству были предъявлены по следующим основным направлениям:

- 1) Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»;
- 2) государственный образовательный стандарт для старшей школы;
- 3) «дорожная карат» изменений в отраслях социальной сферы, утвержденная Распоряжением Правительства РФ № 2620-р от 30 декабря 2012 года;
- 4) мониторинг вузов. Здесь позиции четырех фракций совпали, но, как увидим, не полностью;
- 5) отношение правительства и лично министра образования и науки к РАН и другим государственным академиям наук.

Федеральный закон № 273: новый этап контрреформы образовательного законодательства

Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273 «Об образовании в Российской Федерации» в Госдуме был принят голосами фракции «Единая Россия» (99,2%) и ЛДПР (96,4%). Напротив, его не поддержали фракции КПРФ (98,9%) и «Справедливая Россия» (81,3%).

Поскольку закон многократно анализировался и будет анализироваться в общеполитической и специальной печати, отметим лишь основные претензии к нему образовательного сообщества и представителей левой оппозиции. В частности, эти претензии связаны с тем, что закон:

- имеет сугубо рамочный характер. Компьютерный поиск показал, что в новом законе 179 отсылочных норм, в том числе 44 чисто бланкетных;
- не содержит государственных гарантий финансирования образования и уровня заработной платы для большинства педагогов (за исключением учителей школ);
- в значительной мере отстает от принципов светского образования;

⁷ Цит. по стенограмме пленарного заседания Государственной Думы от 19 апреля 2013 года

- благодаря новой формуле расчета гарантированного числа бюджетных студентов в стране, до 2020 г. уменьшает это число, как минимум, на треть;
- резко сокращает коммунальные льготы для сельских педагогов, отменяет – для учителей, вышедших на пенсию, и целиком передает этот вопрос на усмотрение регионов;
- лишает детей-сирот льгот при поступлении в высшие учебные заведения, а также в учреждения среднего профессионального образования при наличии в них конкурса и т.д.

Помимо этого закон позволяет:

- в пять раз поднять оплату присмотра и ухода за детьми в дошкольном образовании;
- в 20 раз увеличить плату за общежитие для студентов вузов;
- отменить выборы ректоров и др.

Не случайно, еще до второго чтения будущего ФЗ № 273 на Парламентских слушаниях думского комитета по образованию 8 ноября 2012 г. руководителем профильного комитета А. Дегтяревым было внесено предложение сформировать так называемый лист ожиданий – блок тех проблем и предложений об изменениях еще не принятого закона, которые в первоочередном порядке необходимо рассмотреть после его вступления в силу.

Тогда автор возражал, задавая коллегам вопрос: следует ли до срока родить ребенка, чтобы потом долго его лечить? Или лучше выносить его положенный срок и дать возможным явиться на свет боле здоровым? Возражение услышано не было, и в течение весны и лета 2013 г. даже депутатами от «правящей партии» на уровне идей (в редких случаях – законопроектов) предложен целый блок изменений к закону, срок вступления которого в силу – 1 сентября 2013 г. Основными темами этих предложений и законопроектов являются:

- попытки усовершенствования единого госэкзамена;
- школьная форма;
- введение принудительного распределения студентов вузов, которые получают образование на бюджетной основе.

В свою очередь, депутаты от политической оппозиции также подготовили целый блок законодательных инициатив. В их числе законопроекты:

- о добровольности ЕГЭ;
- о поэтапном увеличении числа бюджетных студентов до показателей советского времени (220 на 10 тысяч населения). – Согласно ФЗ № 273, к 2020 г. этот показатель должен составить 120, а в настоящее время – около 180;
- о дополнительных гарантиях обеспечения вузовской автономии (включая возвращение выборности ректоров и положения о том, что ликвидация государственного вуза возможна только с согласия Государственной Думы;
- о дополнительных гарантиях права на дошкольное образование, включая возвращение нормы, согласно которой родительская плата за присмотр и уход в детском дошкольном учреждении не может превышать 20% реальных затрат;
- о праве лиц с ограниченными возможностями здоровья и родителей детей с ОВЗ на выбор образовательного учреждения – инклюзивного или коррекционного и др.

Дальнейшая стратегия сводится к тому, чтобы и впредь выделять из отклоненного Госдумой проекта Федерального закона «О народном образовании» отдельные сюжеты и раз за разом предлагать их Парламенту в надежде на частичную реализацию хотя бы некоторых из них.

Стандарт для старшей школы: приговор модернизации?

Вторым по значимости основанием критики политики Минобрнауки со стороны фракций левой оппозиции стал новый образовательный стандарт для старшей школы, утвержденный И.О. министра А.А. Фурсенко. Едва вступив в должность, солидарность с

идеологией этого стандарта выразил и Д.В. Ливанов. Вот фрагменты критического выступления автора по этому поводу на заседании Государственной Думы 20 июня 2012 г.

«Пришло время процитировать документ, о котором я уже говорил, за подписью Президента Российской академии образования. Цитирую:

«1. ...проект не упоминает об обязательной части основной образовательной программы..., без чего задача сохранения единого образовательного пространства страны не реализуется».

Объясняю: новый стандарт угрожает разрушением единого образовательного пространства страны.

Цитирую: «2. Обязательным статусом проект наделяет предметные области «филология», «иностранные языки», «общественные науки», «математика и информатика», «естественные науки», «физкультура и основы безопасности жизнедеятельности». Предметы, входящие в их состав, обязательными не являются. В результате можно получить аттестат зрелости, не изучив физику, химию, биологию, историю, географию, обществознание и прочие, заменив их на другие предметы данных областей».

Все ясно без комментариев.

Цитирую: «4. Изложенное выше резко усиливает коррупционную составляющую обучения по такому стандарту, переводя самые значимые курсы в разряд дополнительных образовательных услуг».

Повторю: новый стандарт принят в спешке специально под Федеральный закон № 83 о превращении социальных благ в коммерческие услуги.

Цитирую: «5. Естественно, о надлежащем качестве такого бесплатного образования говорить не приходится, тем более, что государство... брать на себя такую ответственность и не собирается, перенеся всю тяжесть по составлению основной образовательной программы на образовательные учреждения».

Добавлю: за создание условий образовательного процесса, включая материально-технические, финансовые и кадровые, согласно стандарту, отвечает также сама школа – за счет бюджетных и внебюджетных источников. Если условия не созданы, директора будут штрафовать. Таким образом, его вновь заставляют зарабатывать деньги – за счет карманов граждан.

А вот какой учебный план, нисколько не противоречащий стандарту, согласно анализу экспертов Российской академии образования, может принять любая школа:

1. Из предметной области «филология» можно выбрать объединенный курс русского языка и литературы. Видимо, старшеклассники будущего станут разбирать «Войну и мир» по членам предложения, а «Преступление и наказание» - по частям речи.

2. С иностранными языками и математикой все более или менее нормально.

3. В рамках предметной области «общественные науки» возможно избрать курс «Россия в мире». Разумеется, этого курса никто никогда не видел и не преподавал. Но зато его можно построить по известному принципу: «и это все о нем (или – о них) и совсем немного - о погоде».

4. В рамках предметной области «физкультура и ОБЖ» предполагается одноименный объединенный курс. Об эффективности судить не берусь: его также в таком виде никто не изучал.

5. Однако самый тяжелый удар новый стандарт наносит по естественным наукам. Из всей этой предметной области, не вступая в противоречия с документом, можно выбрать одну лишь экологию, не изучая ни физики, ни химии, ни биологии.

6. В рамках части программы, которая формируется участниками образовательного процесса, возможно, избрать только дизайн, игнорируя искусство и мировую художественную культуру.

Еще раз цитирую отзыв: «А остальное – в качестве дополнительных (платных) образовательных услуг»!

Кто думает, что стандарт после этого разгромного отзыва существенно улучшен, сильно ошибается.

Разумеется, это экстремальный учебный план, хотя и вполне реальный. Гораздо чаще при новом стандарте мы встретимся с ситуацией, когда старшеклассник будет изучать лишь одну из естественных наук. Для поступления в вуз по ЕГЭ этого достаточно. А дальнейшее никого не интересует.

Между тем, большинство открытий в XX и XXI веке делаются на стыках наук. И тот, кто в школе изучал только физику, уже никогда не сделает такого открытия ни в биофизике, ни в биохимии, ни в физической химии. Повторю то, что в прошлом году говорил предыдущему составу Госдумы: если такой стандарт пройдет, закрывайте все программы модернизации, включая Сколково – шансов они все равно не имеют.

Многие независимые эксперты, далекие от оппозиции, называют этот стандарт не иначе как колониальным.

Напомню: отечественная система образования многие десятилетия сильна прежде всего своим естественно-математическим циклом. [...] Сторонников теории заговора призываю задуматься: почему очередной удар наносится по самой сильной стороне нашего образования?

[...]

Нам говорят, что новый стандарт обеспечивает для ребенка право выбора, однако выбирать можно лишь из того, что знаешь, и когда к этому готов. Насколько мне известно, в рамках миллиарда, потраченного на стандарт, не нашлось денег на серьезные социологические исследования. Между тем, в московской физико-математической гимназии в ответ на мой вопрос: «Кто из вас определился с выбором будущей профессиональной деятельности?» - руки подняли лишь одна треть девятиклассников. А когда я спросил студентов 2 курса нижегородского вуза: «Кто из вас уже в девятом классе определился с будущей профессией?» - среди 150 студентов поднялось лишь несколько рук».

Лишь позднее мне удалось найти данные, согласно которым даже среди тех девятиклассников, кто якобы определился с выбором будущей сферы профессиональной деятельности (чему не верю ни минуты), каждый четвертый затем этот выбор меняет, т.е. с естественника или математика переквалифицируется в гуманитария или наоборот (что похоже на правду).

Помимо глобальных стратегических проблем модернизации страны и развития ее человеческого потенциала, новый стандарт, хотя он и выходит по срокам введения в действие за пределы периода потрясений, обещанных Д.В. Ливановым российским вузам, имеет прямое отношение и к этой теме.

Дело в том, что уже в настоящее время, по крайней мере, технические вузы страны получили следующую проблему: с одной стороны, стремясь обеспечить кадрами продекларированный правительством курс на модернизацию, Минобрнауки постоянно расширяет набор на инженерные и аналогичные им специальности; с другой стороны, число желающих становится инженерами не соответствует этой линии, и технические университеты с большим трудом осуществляют набор абитуриентов с низкими баллами ЕГЭ.

Введение нового стандарта, дающего возможность вместо сложных предметов типа физики, химии, биологии изучать более простые (экологию) и сконцентрироваться на общественных и гуманитарных науках в надежде в перспективе получить высокооплачиваемые должности в сфере менеджмента, государственного управления, юриспруденции и экономики приведет к тому, что технические вузы либо не смогут набрать необходимого числа студентов, либо будут вынуждены принимать их без всякого конкурса и «отсеивать» в большом количестве в процессе обучения. В любом случае количество и качество инженеров и ученых в области естественных наук, которые

должны составить кадровую основу модернизации, еще более и, притом, резко упадет. Вместо развития значительное число инженерных вузов окажется под угрозой закрытия.

Справедливости ради следует заметить: в последнее время в отношении стандарта для старшей школы, как минимум, на уровне законодательной власти наметились позитивные тенденции. С одной стороны, фракциями КПРФ и «Справедливая Россия» собрано более 90 необходимых подписей для возбуждения процедуры парламентского расследования по этому поводу; с другой стороны, новый Председатель Комитета по образованию Вячеслав Никонов в ответ на критику автором стандарта для старшей школы, который уничтожает среднее образование, дважды публично поддержал идею «круглого стола» по этому поводу и призвал Министерство образования и науки исправить стандарт.

«Дорожная карта»... ликвидации вузов?

Идеи о том, что в России слишком много вузов и студентов, представителями разных уровней власти высказывались давно. Так, в президентском послании Федеральному Собранию России 2004 г. Владимир Путин заявлял: «...по сравнению с советским периодом почти утроился прием в вузы, и число поступающих в них фактически сравнялось с числом выпускников средних школ. Ну кому это надо?».

В июне 2008 г. министр образования и науки А.А. Фурсенко (ныне советник Президента РФ) высказался в том смысле, что в современной России более 1000 вузов, а должно остаться 150-200⁸. Тогда автор этих строк направил министру депутатский запрос, выполненный по установленной форме и содержащий 15 вопросов. Единственное, что себе позволил, озаглавить его измененной цитатой из Д.А. Медведева: «Не надо кошмарить образование».

Летом 2012 г. во время публичной дискуссии на заседании Открытого правительства на замечание автора о том, что в мировой практике нет никаких доказательств более высокого качества образования в крупных вузах по сравнению с вузами средних размеров Д.А. Медведев ответил:

«Я согласен, что размер вуза не гарантирует его качество. Хотя, если говорить откровенно, в нашей стране пока гарантирует: в принципе – нет, а в нашей стране – пока да. Чем крупнее вуз, тем всё-таки, как правило, в нашей стране выше уровень образования, в силу того, что просто крупными являются классические университеты, классические инженерные вузы.

Но ... общее количество высших учебных заведений в нашей стране превосходит все разумные рамки.

[...]

«Карфаген должен быть разрушен», а значительная часть вузов, которая не отвечает современным критериям, должна быть реорганизована, а в конечном счёте закрыта...».

На реализацию этих идей направлен утвержденный Распоряжением Правительства РФ от 30 декабря 2012 г. № 2620-р «План мероприятий ("дорожная карта") "Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки"».

«Дорожная карта» предусматривает, в частности, сокращение к 2018 г. примерно 90 тысяч школьных учителей. Приведу и в данном случае фрагменты моего выступления в Государственной Думе с критикой положений «дорожной карты», так или иначе касающихся высшего образования.

«... наиболее ярко антисоциальный характер образовательной политики виден в той части «карты», которая посвящена высшему образованию. Его планируется свернуть весьма радикальным образом. С 2012 по 2018 гг. количество студентов должно

⁸ mon.gov.ru

сократиться почти на полтора миллиона: с 6 млн. 490 тыс. до 5 млн. 145 тыс. При этом их число в расчете на одного преподавателя намерены увеличить с 9,4 до 12. Расчеты экспертов показывают: в результате численность вузовских педагогов сократится почти на половину (на 44%), а их нагрузка вырастет почти на треть (на 28%). Какие тут научные исследования, публикации в международных журналах, индивидуальная работа со студентами! Герой новой системы высшего образования в России – это профессор с высунутым языком!

Правда, зарплату тем, кто не убежит с этой бессмысленной каторги, собираются увеличить вдвое. Теперь понятно, за счет чего. Против этих замыслов Тейлор с его потогонной системой выглядит почти христианским святым!»⁹

Кстати, единственный способ, который позволяет увеличить число студентов в расчете на одного преподавателя без заметного вреда для тех и других, а именно: развитие электронного обучения, как уже отмечалось, предполагается сопроводить таким количеством бюрократических ограничений, которое может сделать российские вузы неконкурентоспособными по сравнению с их зарубежными партнерами.

Кстати, не удержусь и процитирую еще один фрагмент собственного выступления по поводу «дорожной карты», который дает представление об уровне квалификации ее разработчиков и экспертов правительственных документов.

«В отношении среднего образования авторы «дорожной карты» осчастливили нас еще одним «шедевром». Цитирую целевой показатель:

«Отношение среднего балла единого государственного экзамена (в расчете на один предмет) в 10% школ с лучшими результатами единого государственного экзамена к среднему баллу единого государственного экзамена (в расчете на 1 предмет) в 10 процентах школ с худшими результатами единого государственного экзамена:

2013 – 1,82
2014 – 1,74
2015 – 1,7
2016 – 1,66
2017 – 1,62
2018 – 1,58».

Уважаемые коллеги! Неужели в этом зале есть кто-то, кто верит, что эти показатели можно рассчитать научно, а не знаменитым методом «пол – потолок – палец»?

Или кто-то не понимает, что добиться сокращения разрыва показателей ЕГЭ можно не только путем их улучшения в слабых школах, но и путем ухудшения в школах лучших? Результаты понизятся, а «дорожная карта» будет исполнена!

Вообще-то и прежде в кулуарах Министерства образования и науки ЕГЭ именовали «безобразием из трех букв». Теперь это стало безобразием в квадрате, поскольку снабжено псевдоматематическим аппаратом.

Знакомые математики, членкоры с академиками, отнеслись к этому великому научному открытию по-разному. Люди серьезные допускали выражения на грани нарушения закона о русском языке как государственном. Люди с богатым чувством юмора веселились, как на концертах Михаила Задорнова. Все сходилось в одном: «картописатели» заслуживают международной премии – но только не Нобелевской, а Шнобелевской!

Надеюсь, члены Правительства, когда утверждали «карту», все эти замечательные письма не читали. Не могу поверить, что в Правительстве у нас находятся глупые люди. Но тогда остается вариант Жванецкого:

- Будет ли так поступать нормальный человек?
- Нормальный не будет, а умный будет...»¹⁰.

⁹ Выступление О.Н. Смолина на пленарном заседании Государственной Думы 17 апреля 2013 года

¹⁰ Там же

Мониторинг эффективности: вузов? Или управления?

Как уже отмечалось, методика и итоги мониторинга вузов вызвали недовольство всех без исключения фракций Государственной Думы, хотя и в разной степени.

Напомню: первоначально для проведения такого мониторинга были отобраны около 50 критериев, причем, по заявлению ректора МГУ Виктора Садовниченко, предложения Российского союза ректоров были учтены явно в недостаточной степени.

Аппаратом Минобрнауки из 50 критериев были отобраны пять. Поскольку абсолютно адекватные (идеальные) критерии для подобной процедуры отобрать практически невозможно, совершенно очевидно: чем меньше число критериев, тем ниже объективность результата. При обсуждении этого вопроса автор этих строк и ректор МГУ В. Садовнический назвали минимально допустимое для получения объективного результата число таких критериев - не менее 15.

После того, как все установленные законодательством способы влияния на позицию Минобрнауки по этому поводу думскими фракциями были исчерпаны, фракции КПРФ и «Справедливая Россия» собрали необходимое число подписей для проведения процедуры парламентского расследования.

На пленарном заседании Государственной Думы обсуждение вопроса состоялось 21 мая 2013 года. Накануне совет Думы по рекомендации Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству принял решение всерьез обсуждения не проводить. Было предложено ограничиться докладом от группы депутатов, которые потребовали парламентского расследования и содокладом профильного комитета. Для изложения аргументов в пользу расследования приведу слегка отредактированные под письменный текст фрагменты собственного доклада.

«Уважаемые коллеги!

Группа депутатов Государственной Думы предлагает возбудить процедуру парламентского расследования в связи с последствиями так называемого мониторинга вузов, проведенного Министерством образования и науки в конце прошлого года.

Прежде чем перейти к сути дела, позвольте несколько предварительных замечаний.

Первое. Так называемые критерии эффективности и связанные с ними результаты мониторинга критиковались всеми без исключения фракциями Государственной Думы, ... включая правящую партию "ЕДИНАЯ РОССИЯ". В частности, ваш покорный слуга пытался объяснить министру, что нельзя измерять температуру тела в децибелах, а давление крови — в квадратных метрах. Тем не менее результат мы получили нулевой, если не отрицательный.

Второе. Результат является отрицательным, по крайней мере, по двум причинам: с одной стороны, на основе ложного мониторинга, ложных обвинений приговорены к ликвидации 30 высших учебных заведений; с другой стороны, критерии мониторинга, которые предлагаются на 2013 год, мало отличаются от тех, которые были в 2012 году и которые мы все критиковали. Практически никаких выводов не сделано.

Третье. Кроме парламентской критики, мы с вами, коллеги, использовали уже практически все возможные способы влияния на ситуацию:

вопрос обсуждался в Общественном совете при Министерстве образования и науки;

министра приглашали, насколько мне известно, на заседание руководящего органа правящей партии;

были направлены обращения в адрес Президента Российской Федерации; и т. д., и т. д.

Создание комиссии парламентского расследования — это практически единственный способ, который исключает возможность для исполнительной власти уклониться от серьезного обсуждения проблемы и учёта мнения парламента.

Четвёртое... Ключевой вопрос, по которому мы расходимся с профильным комитетом, — это вопрос о предмете расследования. Говоря по-русски, Профильный

комитет предлагает нам следующее: пока ещё, по его мнению, нет фактов массового нарушения прав человека, нет и предмета для такого расследования. Подождём, пока таких фактов появится много, тогда и посмотрим, создавать ли комиссию...

Наша позиция противоположна: парламент должен не «бить по хвостам», но предотвращать катастрофы. Образовательно-политическое землетрясение уже началось, на наши берега надвигается некое образовательно-политическое цунами. И вместо того, чтобы потом спасать тонущих и считать утонувших, надо помешать этой самой волне. На наш взгляд, это действительно государственная политика, в отличие от юридического буквөөдства.

Теперь позвольте напомнить ... некоторые из критериев, которые критиковались уже в Государственной Думе, и объяснить, почему, на наш взгляд, их применение приводит к массовым нарушениям прав человека.

Начну с того, уважаемые коллеги, что первоначально вузы давали в министерство информацию по пятидесяти показателям, ... но было выбрано пять. ... и эти критерии вызвали удивление и бурю негодования.

Правда, затем министр образования и науки Дмитрий Ливанов объяснял, что каждый отдельный критерий кажется странным, но в системе они рассчитаны на некоторый общий, суммарный эффект. Мне кажется это, мягко говоря, удивительным...: если вы применяете пять по отдельности порочных критериев, то системный эффект может заключаться только в том, что пороки их возводятся в квадрат или в пятую степень.

Первые итоги мониторинга заключались в том, что 136 российских вузов были признаны неэффективными, причём, напомню, среди этих вузов оказались 30 педагогических, 24 сельскохозяйственных, 17 вузов культуры, 5 технических вузов и так далее.

Однако вернемся к критериям.

Первый критерий, предложенный Высшей школой экономики, ... — это средний балл, полученный по результатам единого государственного экзамена абитуриентами, поступающими в вуз. Не буду повторять, что, вообще говоря, вуз не имеет никакого отношения к тому, с какими баллами в него поступают абитуриенты. Скажу о другом. Было совершенно очевидно, что при таком критерии среди неэффективных окажутся как раз вузы педагогические, сельскохозяйственные и вузы культуры. Почему? Да потому, что государство по-прежнему платит нищенскую заработную плату большинству педагогов, большинству агрономов, большинству работников культуры. Следовательно, вузы наказываются дважды: сначала — низкой... заработной платой выпускников, а второй раз тем, что их объявляют неэффективными. И это несмотря на то, что они выполняют важнейшую государственную задачу: готовят для нашей страны тех, кто растит хлеб и формирует человеческий потенциал.

Абсурдность этого критерия для меня очевидна. Мы считаем, что его использование противоречит нормам существующей Конституции и действующего законодательства. Напомню, что, согласно закону о высшем и послевузовском профессиональном образовании, ограничения прав человека могут быть установлены только в целях защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства. Понятно, что никакого отношения к этому средний балл ЕГЭ абитуриентов не имеет и иметь не может. Однако, стремясь быть «эффективными», вузы станут отказывать тем, кто имеет балл ЕГЭ ниже установленного мониторингом даже при наличии бюджетных мест.

Мало того, на наш взгляд, происходит следующее: Конституция Российской Федерации устанавливает обязательную конкурсную основу поступления в вузы для тех, кто получает образование на бюджетной основе. Но как вы можете заставить человека отказаться от образования, за которое он хочет заплатить, и при этом способен освоить образовательную программу? На каком основании? С нашей точки зрения, это грубое противоречие действующей Конституции.

В свою очередь, снижение доступности высшего образования приведёт к нарушению прав не только студентов, но... и профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений, к масштабному увольнению преподавателей. Если вы в этом сомневаетесь, посмотрите... ещё раз "дорожную карту", утверждённую распоряжением правительства от 30 декабря прошлого года. Кстати, если верить... средствам массовой информации..., министр образования и науки уже предложил сократить в ближайшее время до 30% вузовских преподавателей. Понятно, что остальным придётся работать на 30% больше.

Как вы думаете: угроза увольнения более 100 тысяч преподавателей — это массовое нарушение прав человека или не массовое?

Обратимся теперь к другому критерию мониторинга, по-своему совершенно замечательному, — это объём научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, которые выполняет вуз — объём, измеряемый... деньгами! Коллеги, обращаю ваше внимание: неважно, открыли вы что-то или не открыли; получили вы патенты или не получили; опубликовали вы монографии или не опубликовали; - важно, сколько денег вы на это потратили! Можно вообще ничего не открыть, ничего не опубликовать, «распилить», извините за непарламентское выражение, все деньги, и при этом вы будете прекрасным вузом, полностью соответствующим критериям так называемой эффективности!

Мало того, мы... чётко понимаем, что это противоречит принципу свободы научного творчества, потому что вузы будут выбирать только те исследования, которые сулят деньги, и забывать о тех, которые денег в ближайшее время не сулят. А это как раз преимущественно фундаментальные исследования, от которых зависит будущее нации.

А вот вам другой пример «управленческой науки»: для оценки финансово-экономической деятельности вуза предлагается использовать количество денег, которое вуз получил из всех источников в расчёте на одного преподавателя. Напомню, коллеги, что речь идёт о некоммерческих организациях. А задача некоммерческих организаций — не зарабатывать деньги, а заниматься образованием, наукой, культурой и так далее. В данном случае - образованием.

Мало того, ... такая система вызовет негласное разделение преподавателей — разделение ... не по качеству занятий, которые они ведут, тем более не по тому, как они воспитывают студентов, - а разделение преподавателей на тех, кто умеет «притащить» в вуз деньги, ... и на тех, кто в вуз деньги «притащить» не может. Понятно, что при этом реальные критерии работы вуза полностью искажаются: ведь не для того он создаётся, чтобы зарабатывать деньги, а совсем для других целей. Ясно, что это приведёт к нарушению прав тех преподавателей, которые добросовестно исполняют свой долг, но не умеют «притащить» в вуз финансы.

Между прочим, сравнительно недавно министр образования и науки заявил, что только плохие профессора зарабатывают по 20-30 тысяч рублей в месяц. Хочу вам сообщить, что в большинстве провинциальных вузов обычный профессор «чистыми» получает из бюджета даже меньше 20 тысяч рублей в месяц. Считать, что он плохой, потому что он не зарабатывает деньги, а воспитывает студентов, мягко говоря, нелепо.

Предложенные критерии мониторинга, с нашей точки зрения, приводят к массовым нарушениям прав человека потому, что в 136 вузах и в 450 филиалах, которые были первоначально объявлены неэффективными, обучаются сотни тысяч студентов и работают десятки тысяч преподавателей. Только в одном из них — уже ликвидированном Российском государственном торгово-экономическом университете — было 63 тысячи студентов и 4 тысячи преподавателей. Хочу спросить уважаемый профильный комитет: это массовые нарушения или не массовые? Всего же в федеральных высших учебных заведениях, напомню, учатся около шести с половиной миллионов студентов и работают, соответственно, около 300 тысяч преподавателей.

Хотел бы заметить, уважаемые коллеги, что проведённый мониторинг уже создал в стране социальную напряженность. Здесь, в этом зале, я просил министра образования и науки не превращать всю страну в большой Тамбов, где, как вы помните, еще до окончания мониторинга возникли массовые акции протеста. После мониторинга еще более крупные акции последовали в Российском государственном торгово-экономическом университете, хотя это его не спасло.

Чего мы ждём? Мы ждём, пока большие массы студентов выйдут на улицы протестовать против ликвидации вузов? Или мы хотим предотвратить эту угрозу?! Давайте всё же выбирать, на чьей стороне мы будем в этой ситуации!

Учитывая дефицит времени и опуская многие важные аргументы, хочу в заключение процитировать вам один, на мой взгляд, очень важный человеческий документ. Это письмо на имя председателя Компартии Российской Федерации Геннадия Зюганова от Фоминой Гурам Абдулаевны, в котором сообщается, что её сын, Артём Фомин, учится на третьем курсе филиала Ростовского государственного экономического университета в городе Кисловодске по специальности "программное обеспечение вычислительной техники и автоматизированных систем" по очной форме обучения. Однако в результате мониторинга университет принял решение о закрытии филиала. Цитирую:

"Учёба в нашем городе позволяет дать сыну достойное и доступное образование, потому что диплом РГЭУ (РИНХ) пользуется заслуженным уважением у работодателей. Преподаватели нашего филиала отдают много сил и знаний студентам, требуют от них полной отдачи в учёбе. Мой сын учится очень старательно, понимая, что грамотный специалист в данной отрасли очень востребован, данная специальность даст ему возможность иметь работу в любом городе. Решение учёного совета о ликвидации филиала в Кисловодске ставит крест на всей его жизни. Отправить его на учёбу в другой город я не могу, так как материальные затраты по найму квартиры и его содержанию в другом городе мне не по силам. Учёба в филиале платная, для оплаты учёбы — почти 30 тысяч рублей — я вынуждена брать ежегодно кредит в банке и постепенно его гасить в течение года. Наш Кисловодск — город курортный, работы здесь нет, зарплаты маленькие, 10-15 тысяч рублей — максимум, на который при удаче можно рассчитывать. На квартплату у нас уходит половина зарплаты. А ведь парень растёт, каждые полгода приходится обновлять ему одежду и обувь, я уже не говорю о питании. Как нам жить, если придётся отправлять его в другой город?"

И заключительная часть этого письма: "Геннадий Андреевич! Надеюсь на вашу поддержку, на то, что вы вступитесь за нас и не дадите творить беспредел безграмотным руководителям министерства образования".

Вот вам одна изломанная человеческая судьба. Сколько будет их ещё, мы не знаем. Уважаемые коллеги, ... если бы это касалось наших собственных детей, наверное, мы приняли бы соответствующее решение.

Вообще-то в уголовном законодательстве преследуется не только факт совершения преступления, но и подготовка к нему. Иначе профилактика была бы невозможной. Но наши профильные комитеты хотят непременно сначала дожидаться массовых нарушений прав человека вместо того, чтобы их предотвратить.

[...]

Убеждён, что предотвращение массового нарушения прав человека абсолютно соответствует положениям Федерального закона "О парламентском расследовании...".

Как уже отмечалось, попытка возбудить процедуру парламентского расследования была предпринята лишь тогда, когда иные способы влияния на процесс так называемого мониторинга были исчерпаны. Так, автор этих строк, помимо инициирования парламентского расследования, выступал с критикой мониторинга в Госдуме на «правительственном часе» с министром образования и науки; на Общественном совете при Минобрнауки, где внес 10 конкретных предложений; не говоря уже о публикациях в

печати и выступлениях в электронных СМИ. Более того, моя кандидатура, как и кандидатура Председателя профильного комитета В.А. Никонова, была включена в специальную комиссию по разработке мониторинга на 2013 г. Однако заседание комиссии прошло без нашего участия, и в 2013 г. мониторинг решено проводить по шести с половиной критериям:

пять прошлогодних (2012 г.), подвергнутых образовательным сообществом сокрушительной критике;

шестой - трудоустройство выпускников, измеряемое их числом на учете в службе занятости;

седьмой – специальный, применяемый к отдельным группам вузов.

Упорство профильного министерства объясняется тем, что в действительности невообразимые критерии разрабатывались не для измерения эффективности вузов, но под решение конкретной задачи – ликвидации (присоединения) каждого третьего из них. Собственно говоря, в частных разговорах этого не скрывали и высокопоставленные министерские чиновники. То, что при этом вместо больших зубов могут быть вырваны здоровые, никого особенно не волновало. Вспоминаю мой частный разговор в гостевой комнате радио «Эхо Москвы» в июне 2013 г. с известным аналитиком образовательной политики и сотрудником «вышки». С сочувствием к министерству он передал мне свой разговор с заместителем министра образования и науки, отвечающим за мониторинг. Цитирую по памяти, но близко к тексту.

Замминистра: Ты согласен, что бабуринский РГТЭУ – это плохой университет?

Ответ: Да, согласен.

Замминистра: Но другого способа его закрыть и присоединить к более сильному университету у нас не было. Помог мониторинг.

С поправкой на то, что ректор РГТЭУ С.Н. Бабурин был постоянным критиком образовательной и не только образовательной политики правительства, эта версия кажется мне правдоподобной.

В заключение отмечу, что по предложению автора на осень 2013 г. были назначены специальные парламентские слушания (либо «круглый стол») по проблеме мониторинга вузов.

Наука: академическая или вузовская?

Пятой причиной критики политики Минобрнауки и правительства в целом со стороны фракций левой оппозиции стала позиция министра Д.В. Ливанова в отношении российских государственных академий наук. Его заявление о неэффективности РАН вызвало в академических кругах бурю возмущения. Единственный в мире нобелевский лауреат и одновременно депутат парламента Ж.И. Алферов вместе с академиком В.Е. Фортовым (тогда еще не Президентом РАН) в знак протеста вышли из состава Общественного совета при Минобрнауки. Заявление протеста подписала и группа вице-президентов академии, что при современной «вертикали власти» бывает крайне редко.

Это, однако, не помешало правительству, воспользовавшись тем, что избранный Президент РАН В.Е. Фортов не был утвержден Президентом РФ, в сверхсрочном порядке внести в Государственную Думу проект закона № 305828-6 "О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации". И здесь под давлением правительства разошлись позиции не только большинства («Единая Россия» + ЛДПР) и оппозиции, но также и самих оппозиционных фракций (КПРФ и «Справедливая Россия»).

Итоги голосований по законопроекту во втором чтении выглядят следующим образом:

«Единая Россия»: за - 99,6 %, воздержались - 0,4 %

ЛДПР: за - 96,4 % ; воздержались – 3,6%

«Справедливая Россия»: за - 84,4 %, не голосовали - 15,6 %

КПРФ: не голосовали - 100 %.

Обосновывая изменение позиции фракции «Справедливая Россия», ее лидер Н.В. Левичев в выступлении на пленарном заседании Госдумы 5 июля говорил:

«К сожалению, события последней недели характерны для состояния парламентаризма в нашей стране, лихорадочность, с которой принимались законы в последние дни, вызывает негативную реакцию в обществе, и самый яркий пример — обсуждение закона о реформе Академии наук: тысячи настоящих учёных испытали шок, на похороны российской науки из зала Думы потянулась даже фракция КПРФ... Но я напомню притчу о двух лягушках: одна тонет, а другая болтает ножками. Вот за две бессонные ночи мы вместе с руководством Академии наук, с руководством Государственной Думы, с коллегами из комитета по науке — представителями всех фракций, которым я искренне благодарен, благодаря конструктивной позиции Президента Российской Федерации и взаимодействию с президентом и его администрацией, забыв о политических разногласиях, сумели — ну, будем честны — поменять концепцию проекта закона: главным в науке теперь останется не бюрократ, а учёный.

Признаюсь, что нам не хватало коллег из КПРФ, но, по всей видимости, они любят себя в политике больше, чем науку.

Наша фракция, взвесив все обстоятельства, получив гарантии, что законопроект в третьем чтении будет обсуждаться только в сентябре и возможен возврат во второе чтение, поддержит его во втором чтении со всеми принятыми комитетом поправками.

[...]

Желаю нам всем в дальнейшем неспешной работы: нам теперь как раз до сентября предстоит ловля тех блох в проекте закона о РАН, которых всё-таки нам не удалось поймать в течение двух бессонных ночей”.

Здесь не место обсуждать вопрос, следует ли политикам и законодателям ловить блох либо они должны заниматься чем-то более серьезным. Отмечу лишь, что по данному вопросу фракция КПРФ оказалась единственной, сохранившей оппозиционность, и, более того, подверглась критике не только со стороны проправительственного блока, но и недавних союзников.

Наиболее полно и авторитетно позицию фракции изложил Ж.И. Алферов в открытом письме Президенту¹¹. Двумя неделями раньше аналогичную собственную позицию сформулировал и автор этих строк. Цитирую фрагменты подготовленного мною заявления общественного движения «Образование – для всех»:

«Центральный совет общественного движения «Образование – для всех» решительно осуждает принятый большинством Государственной Думы... во втором чтении проект закона о так называемом реформировании российских государственных академий наук, в котором, в частности, предусматривается:

1. Фактическая ликвидация Российской академии медицинских наук и Российской академии сельскохозяйственных наук и присоединение их к Российской академии наук. Это приведет к снижению уровня исследований в области медицины и сельского хозяйства, к ликвидации научных школ аналогичной направленности. Даже в тридцатые-сороковые годы прошлого века руководство страны считало необходимым сохранение нескольких научных и конструкторских школ по аналогичным направлениям в целях обеспечения соревнования между ними. Ликвидация «дублирующих» школ – путь к застою.

2. Передача институтов и имущества государственных академий в управление специальному Агентству, т.е. государственным чиновникам. Именно они фактически будут решать судьбу академических институтов и определять направления финансирования научных исследований.

¹¹ <http://kprf.ru/dep/gosduma/activities/121196.html>

Между прочим, те же чиновники в 2013 году вновь предлагают измерять эффективность вузовской науки... количеством затраченных денег! Т.е. не эффективность затрат измерять реальными достижениями, но эффективность результатов – затратами. Подобные «открытия» в теории управления по праву могут претендовать на Шнобелевскую премию.

Тот факт, что в переходный период специальное Агентство возглавит президент Академии наук, означает лишь одно: научные институты и имущество отнимать у академий будут не сразу, но по частям, в течение нескольких лет.

3. Переход иных государственных академий (Российской академии образования, Российской академии художеств и Российской академии архитектуры и строительных наук) в ведение Минобрнауки и других министерств. Фактически это ставит крест на их экспертной деятельности: подчиненный, тем более в условиях российской «суверенной демократии» и «вертикали власти», не может, разумеется, объективно оценивать действия своих начальников.

4. Ликвидация в течение трех лет статуса законно избранных членов-корреспондентов государственных академий. С учетом того, что оставшимся академикам предполагается значительно повысить стипендии, подобная мера не имеет ни научного, ни экономического смысла. Она лишь нарушает права человека и с высокой вероятностью приведет к еще большему старению академических кадров.

Закон не решает ни одной проблемы российской науки, но означает лишь очередной передел власти и имущества в интересах правящей бюрократии. Однако надо быть малым ребенком или полным глупцом, чтобы верить, будто чиновники будут управлять наукой лучше, чем ученые.

Заявления высокопоставленных правительственных чиновников о неэффективности академий выглядят либо как невежество, либо как лицемерие: ведь в советские времена, когда академии по-настоящему поддерживались государством, наша страна была второй научной державой мира. Однако в 1990-х годах:

- финансирование науки сократилось в 20 раз;
- число работников в сфере научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ – более, чем вдвое;
- каждый четвертый ученый из страны уехал, и большинство возвращаться не торопятся.

В течение 2000-х руководителями государства для исправления положения сделано ничтожно мало.

Теперь же порожденную государственной политикой «головную боль» академий предлагают, по традиции, лечить «гильотиной»!

Вызывает возмущение ставшая уже дурной традицией спецоперация по принятию закона:

- он готовился тайно, без совета с научным и образовательным сообществом;
- отсутствовал в повестке дня заседания Правительства 27 июня 2013 года и рассматривался в разделе «Разное», причем это заседание было объявлено закрытым для депутатов;
- принят за три дня в последнюю неделю заседаний Государственной Думы с нарушением всех мыслимых норм регламента;
- продавлен во время отпусков большинства научных и педагогических работников.

Все это – доказательства того, что власть пренебрежительно относится к гражданскому обществу и чувствует, что ее действия находятся за гранью морали.

Судьба академий наук – это не только судьба ста тысяч ее сотрудников и академических институтов и организаций. Это – судьба страны, ее модернизации, десятков миллионов людей, пользующихся результатами исследований членов академий и научных институтов. Но самое главное – это судьбы сотен миллионов наших детей,

внуков и правнуков, которым мы обязаны передать научные достижения многих поколений, носителями которых являются академии наук.

Петр I остался в истории вместе с созданной им Академией наук. А с чем останутся в истории современные власти предрержащие?

Ведь в новейшей мировой истории академии наук ликвидировались лишь трижды: в Италии – при Муссолини; в Румынии – при Чаушеску; в Туркмении – при Туркменбаши. И каждый раз восстанавливались. Неужели подобные примеры для России заразительны?

Мы с теми, кто создает, а не разрушает. И призываем научное и образовательное сообщество использовать все законные средства борьбы, чтобы остановить разрушительный закон. Еще не поздно»!

Совершенно очевидно: противопоставление академической науки науке вузовской, ставшее лейтмотивом новой «реформы», не имеет под собой оснований.

Во-первых, в советский период академия, если считать по известному принципу «затраты – результаты», вероятно, являлась самой эффективной научной организацией в мире.

Во-вторых, нельзя забывать, что в настоящее время бюджет одного лишь Гарвардского университета сравним с бюджетом всей российской академии. Вернуть же утраченный статус при несопоставимо меньших расходах никакими административно-бюрократическими реформами не возможно.

В-третьих, следовало бы идти путем именно реформы, а не разрушения, а именно: параллельно развивать науку в университетах и академических учреждениях, интегрируя усилия тех и других. Попытки же одномоментной передачи академических институтов в университеты (а тем более – под контроль чиновников), на взгляд автора, принесут несопоставимо больше вреда, чем пользы.

Короткая история отношений нового руководства Минобрнауки с думскими фракциями показывает, с одной стороны, лишь частичное совпадение позиций основных политических сил в Парламенте при преобладающем их расхождении в отношении политики министерства и правительства. Повторю: министерство и министра критиковали все, но за разное и по-разному.

С другой стороны, та же история в очередной раз свидетельствует о неполноценности отечественного парламента. В любой стране с «несуверенной демократией» подобная ситуация привела бы министерство к серьезным последствиям. В России же точку в дискуссии поставил Президент, заявивший, что министр работает еще слишком мало и должен завершить начатое. Является ли подобный финиш дискуссии промежуточным, покажет время.

Олег Смолин, Первый заместитель Председателя Комитета по образованию Государственной Думы